

жандармы заняли помещение пражской социал-демократической партии, которым владели левые, и передали его правым. Вспыхнула всеобщая забастовка, в которой приняло участие около миллиона рабочих. Дело дошло до захвата заводов, учреждений и имений; в Праге, Брюксе и других местах лилась кровь. Были убиты. Гашек оставался равнодушным. Ничто не могло вывести его из состояния безразличия. Зауеру, который его потребовал к ответу, он сказал:

«Наши чехи не революционеры, ибо мы народ голубиной кротости. Мы стали революционерами только с разрешения Антанты. Мы можем хорошо служить и слушаться, можем быть честными наемными солдатами, жандармами, слугами и полицейскими, но революционерами?!. Не будь Карл дураком и не будь его дипломаты тупоумными, наш народ ему бы и по-сегодня еще служил... У нас социальная революция совершится так же, как совершилось 28 октября¹... Потому что у нас нет и не будет революционеров, т. е. она будет принесена нам извне».

Критика чехо-словацкой так называемой национальной революции, которую дает здесь Гашек, по существу верна. Но сравнение, которое делает Гашек, между социальной революцией и национальной, мнимой революцией (которая якобы отражает особые национальные свойства чехов), с ужасающей ясностью показывает, как мало он, в качестве солдата революции, узнал о революции. То, что Зауер передает как высказывание Гашека — а действительно поведение Гашека делает эту передачу вполне правдоподобной, — представляет собой не что иное, как облеченное в формулу Гашека, банальное утверждение всех тех, кто не в состоянии идти путем революции: в другом месте революция возможна, но не у нас. Гашек как будто не предает революцию, он не против нее; но он не мог быть и с нею, ему не хватало ни пролетарского мировоззрения, ни активной воли к разрушению существующего гнилого строя, которые создают подлинного революционера.

Снова надоедливый, но „безвредный“ суб'єнт

За то время, что Гашек служил революции, он не стал пролетарским революционером. Когда он эту службу оставил, он не стал противником революции. Но, несмотря на то, что он повел прежнюю жизнь, он не остался прежним. То, что русские впечатления его сильно занимали и он не мог от них отделаться, ясно из того, что он обходил их почти полным молчанием. Это молчание так бросалось в глаза, что все, пишущие о Гашеке этого периода, отмечают этот факт. Зауер рассказывает:

«Он не отвечал на вопросы, почему и как он снова вернулся. Да он вообще не говорил о России. От вопросов он отделялся так, что видно было, как они ему тягостны. А когда он говорил о России, то только с теми, которые поднимали вой по поводу ре-

волюции, и при этом он говорил так, что приводил к абсурду их выдумки о «зверствах большевиков».

Ольбрахт (который в то время еще принадлежал к коммунистической партии) писал о поведении Гашека после возвращения:

«Среди товарищей он не бывает. В партийной работе не принимает участия. Все это миновало. Он опять высмеивает весь свет. Только над нами он не смеется, над коммунистами, и над собственным сибирским прошлым».

Оба, и Зауер и Ольбрахт, несколько преувеличивают. Вполне подавить в себе насмешника и весельчака Гашек не мог и по отношению к коммунизму, и по отношению к своему собственному коммунистическому прошлому. Над своей деятельностью в Красной армии он вполне открыто издевался. В одной явно буржуазной газете он опубликовал об этом несколько фельетонов.

Не к чести Гашека служит его выступление в контрреволюционном кабаре «Красная семерка», рассчитанном на веселящихся спекулянтов. Здесь высмеивались русская революция и коммунистическая партия, и Гашек был отчасти повинен в этом. Друг его юности Гайек, не-коммунист, говорит об этом выступлении Гашека, который казался «очень усталым»: «Нам стало грустно, когда мы его слушали». Гашеку, должно быть, было также грустно, потому что он вдруг исчез со сцены кабарэ. «Ты уже слышал, — рассказывал он вскоре после этого Лонгону, — что я натворил в «Красной семерке»? Я нарочно рассказывал ужасы, чтобы расстроить гнилую буржуазную деятельность «Красной семерки». Уверяю тебя, что они из-за меня потеряли по крайней мере половину своей публики».

Ввиду того, что Красная армия воевала на Волге, на Урале и в Сибири с чехо-словацкими legionами, объединившимися с Колчаком или мародерствовавшими самостоятельно, — националисты объявили Гашека государственным преступником, убийцей legionеров и т. п. Он подвергался резким, даже физическим нападениям. Некоторые хозяева кабачков просили его покинуть помещение. Гашек защищался от всех нападений точно так же, как его Швейк: он со всем соглашался. «Я убил эрцгерцога Франца-Фердинанда», говорит Швейк в полиции; и Гашек, которому в кабачке бросают обвинение в мнимом убийстве трехсот legionеров, спокойно и просто признается в убийстве пяти сот legionеров. Сделал же он это только потому, что его отряд в то время нуждался в веревках, а кишки legionеров в качестве сырого материала особенно подошли для выделки канатов. А в ответ на серьезный, укоризненный вопрос какого-нибудь дурака из чехо-словацких националистов о том, действительно ли большевики убивали китайцев, чтобы их есть, — Гашек тоже серьезно разъяснял «ошибку»: большевики не могут есть мяса китайцев, так как оно воняет, но очень охотно едят жареных монгольских детей.

Таким способом Гашек обезоруживал своих врагов, но вне этого он оставался политически индифферентным и не проявлял себя (как боялись сначала) как «большевистский эмиссар». Он вернулся к своей прежней пражской жизни, так что даже республиканская поли-

¹ Так же, как государственный переворот и провозглашение Чехо-словацкой республики в 1918 году.

ция, как в свое время полиция его величества, могла вскоре сделать пометку на его «деле»: «Безвредный субъект». Правда, несколько беспокойный, с которым у новоиспеченной «демократически-республиканской» цензуры было много возни.

Бегство от революции к „Швейку“

Все же жизнь, которую вел Гашек, была уже не прежняя пражская жизнь. Тягости пятилетней войны, плена, снова войны и гражданской войны и вдобавок перенесенная холера — ослабили его физически. И, когда снова появился алкоголь, и ночи проходили в кутежах, — дело должно было скоро кончиться катастрофой. Предотвратить эту катастрофу не могла и его Шура, хотя она была очень энергична и прилагала к тому много усилий. Когда она видела, что его невозможно удержать дома, она попросту шла вместе с ним, чтобы за ним наблюдать. Когда, наконец, удалось увезти Гашека в деревню, было уже поздно. Гашек мог только два года еще наслаждаться своей любимой родиной, ее прославленной кухней, ее знаменитым пивом.

Но это было неполное наслаждение. Гашек стал более замкнутым и раздражительным, чем прежде. И так как его скрытность касалась больше всего большевистского эпизода его жизни и отношения к коммунизму, то, вероятно, в этих переживаниях лежит объяснение перемены его характера. До войны Гашек стремился ко всему революционному, радикальному — и во всем разочаровался, потерял вкус ко всему. Следствием этого явилась насмешка над всем. Мировая война увлекла его снова на другой путь. В зрелом человеке проснулся идеалистический мечтатель, страстный фанатик и мятежник юных лет. Он стал борцом. После разочарования в мнимой революции — борцом за подлинную революцию.

Но именно теперь, когда он нашел то, о чем мечтал, что искал всю жизнь, — он должен был понять или по крайней мере почувствовать, что у него больше нет сил, способностей, возможности последовательно до конца служить этому делу. Когда он это осознал, он внешне ушел от революции. Но внутренне он не мог уйти. Так в нем появилась раздвоенность. Не удалась и попытка преодолеть это раздвоение старым приемом юмора, сатиры, высмеивания и этого эпизода своей жизни. Гашек настолько близко подошел к пролетарской революции, к коммунизму, что сердцем и умом не мог от нее уйти, но обеими ногами и брюхом, жаждущей глоткой он погряз в мещанстве. И в этом была трагедия Гашека. В этом состоянии он не мог писать романа об австрийском солдате, ставшем красноармейцем. Этот роман требовал серьезного политического анализа проблемы революции; Гашек же не был в состоянии разрешить проблему революции в самом себе.

„Швейк“

Швейк — это мещанин на империалистической мировой войне. Мещанин ведь был самым странным пушечным мясом. Одни кричали «ура!» и воображали себя не объектами, а субъектами. Многие, которые этого не могли, протестовали в укромном уголке, но исполняли

все, что полагалось. Иные изливались во всяческих отговорках, которыми хотели оправдать перед собою свою трусливую покорность — подлинную сущность их военной храбрости. Хитрые мещане, они выхлопывали себе всякими происками и мошенничествами безопасные местечки. Мещане же в массе просто исполняли требуемое — без патриотизма, без оппозиции и без уверток. Среди них был Швейк, юморист.

Но юмор Швейка совсем особого рода. С первого взгляда он кажется невинным. Но при этом он так непочтителен, что перед ним всякая патриотическая фраза приобретает обратное значение. Швейку стоит только повторить патриотическую фразу, чтобы немедленно выявилась ее смехотворная пустота. Самый ловкий мастер военной фразы, самый неистовый истязатель солдат теряет уверенность и самодовольство, когда Швейк устремляет на него наивный, тупой взгляд. Швейк обесценивает фразу тем, что принимает сказанное за чистую монету и так передает дальше. Он уничтожает приказ тем, что безоговорочно исполняет его, доводя до idiotических последствий.

Швейк — не идиот. Его ум — это крестьянская хитрость. Эта хитрость — единственное оружие слабого, у которого нет цели, пути и сил (потому что их недостает его классу) и который все же должен как-нибудь обороняться. Швейк мастерски ограничивается своей ограниченностью, превращая эту ограниченность в оружие против своих мучителей. Только такой поэтический талант, как Гашек, мог сделать это правдоподобным.

Но сам Гашек не был Швейком, хотя в нем и было многое от Швейка. На войне Гашек был не бессильным, а революционным мещанином, и его оружием тоже был юмор.

Швейк, в отличие от своего творца, — не революционер и не мятежник. Но, с точки зрения империалистического военного командования, он не безопасен. На мелкобуржуазную массу, к которой он принадлежит, он действует разлагающе. Чехо-словацкие патриоты знают, почему они должны беречь от него своих солдат. Потому что даже для подготовки к войне он не удобен.

То, что сказано в главе «Партия умеренного прогресса» об отношении чешских буржуа к старой Австрии, — все это мировая война должна была исказить до абсурда. Противоречия здесь доходили до гротеска. Ни одна нация австрийской империи не дала во время войны столько восстаний, как чешская. Но в то же время у буржуа ни одной нации австрийский патриотизм не был так невыносимо назойлив, как у чехов. Поэтому и в старой Австрии встречались чешские офицеры и унтер-офицеры, жандармы и полицейские, судьи и другие чиновники, которые были еще худшими мучителями граждан в военном мундире или в штатском платье, чем их немецкие коллеги по службе.

Гашек создал образ своего Швейка еще до войны. Во многих героях его юмористических рассказов мы находим Швейка в различных вариантах. Кающиеся прихожане в рассказе «Борьба за душу» — настоящие Швейки. Но Гашек ведь уже написал «Бравого солдата Швейка» перед войной. Этот Швейк мирного времени заблудился во время маневров в го-

рах Южного Тироля и украл у итальянца — также заблудившегося — мула вместе с пулеметом. Затем посланный полковым священником за фослауским вином, он идет из Южного Тироля в Фослау (в Южной Австрии), где его, конечно, арестуют и, как дезертира, посылают обратно. Начальство, которому становится не по себе от невыносимой глупости Швейка, хочет его «суперарбитражить» (т. е. освободить от военной службы по болезни). Но Швейк не дается, от него невозможно освободиться, потому что он хочет служить своему императору «до последней капли крови». Его заставляют набивать торпеды пироксилином, он при этом курит свою неизменную трубку, взлетает на воздух, но, конечно, остается цел. В конце концов он попадает к летчикам и летит с румынским майором из Вены в Африку, потому что он уже выучился заводить пропеллер и подниматься, но еще не умеет спускаться.

Все глупо-хитрое и протескное в зародыше уже содержится в «Швейке мирного времени», так же как сам Швейк уже существовал до войны. Великая война, империалистическая мировая война только подняла уже существовавшего Швейка на необычайную высоту, сделала его исторической фигурой, а Гашек превратил его в героя мировой литературы.

Вернемся к вопросу об автобиографическом в «Швейке». Некоторые утверждают, что Гашек изобразил себя и описал собственные переживания. Это, как уже сказано, не верно. Автобиографическое ограничивается переработкой событий тыла и фронта. Гашек до войны не был на военной службе, и судьба его героя до войны не имеет ничего общего с его собственной жизнью.

Вокруг „Швейка“

После войны Гашек снова начал работать тем оригинальным способом, которым он и раньше работал над «Швейком». Зауер и Сук рассказывают об этом:

«Бессмертный «Швейк» проявился в маленьких кабачках в Жижкове. Немногие литературные произведения писались так, как он. Гашек смотрел на него действительно, как на свое основное произведение и потому работал очень серьезно. Нет ни одной главы, ни одного приключения, которого бы он раньше не рассказал. Но отнюдь не в обществе литераторов, а в кабачках, в обществе маляров, каменщиков, столяров, поденщиков, воров и проституток. Его маленькие глазки перебежали при этом с одного пролетария на другого и наблюдали, какое впечатление производит рассказ. На следующий день он рассказывал это где-нибудь в другом месте с иными вариантами. Затем, на основании впечатления, которое произвел рассказ, он заботливо отбирал... Он писал для народа... Нельзя описать, как он сиял от счастья, когда он однажды увидел в кабачке одного пьянчужку, который трясся от смеха и прыгал на бочке при чтении «Швейка».

Этот метод работы, вероятно, требовал много времени, тем более, что Гашек сидел в кабачках не только ради этих занятий. Должность издателя исполнял Франта Зауер. Сначала не находилось издательства, которое бы согласи-

лось издавать «такую литературу». Великих трудов стоило Зауеру извлекать от Гашека рукопись по кускам, чтобы выпустить новую тетрадь — «Швейк» выходил дешевыми выпусками. Сбыт был труден, так как чешские книготорговцы бойкотировали «Швейка» как макулатуру. Один из этих господ, Е. Вейнфуртер, ответил на предложение Зауера следующим образом:

«Мы не хотим иметь дело с таким хламом, который имеет целью воспитать народ, негодяев и бездельников и не хотим марать имя нашей фирмы. Это — литература для коммунистов, а не для чехов».

Зауеру не оставалось ничего другого, как распространять «Швейка» через книгонош. При таких трудностях дела «предприятия» были не блестящи, и дошло до того, что типограф, долг которому уж слишком вырос, не хотел больше печатать. К счастью, в самый острый момент нашелся издатель Сынек, который взял дело в свои руки. Он не прогадал на этом, так как его фирма, благодаря сочинению Гашека, «пошла в гору».

В 1921 году «Швейк», вернее — одна часть его, была первый раз инсценирована Лонгеном. Первым, игравшим роль Швейка, был чешский актер Нолль (умерший в 1929 году), исключительный актер на роли чешских мещан. Его Швейк был сделан мастерски и имел большой успех. Правда, только у народа. Официальная чешская критика не приняла «Швейка». Только немецко-еврейский пражский поэт и критик Макс Брод (позднее обработавший «Швейка» вместе с Гансом Рейманом для немецкой сцены) похвалил эту вещь и вообще стал на защиту произведений Гашека. Гашек не видел постановки «Швейка» в Праге. Нолля в роли Швейка он увидел на гастролях в Дейчброде. Он был так восхищен, что хотел выступить в своем произведении вместе с Ноллем в роли сапера Водички.

„Отшельник“ в лесах Средней Богемии

Война и переворот уничтожили старую богему, в которой Гашек жил раньше. Часть пражских анархистов, полуанархистов, потрясателей авторитетов и «врагов отечества» примкнула к буржуазной республике и стала патриотичной. Тот, кто тепер хотел сопротивляться государству, оказывался вне общества, как враг государства и нации; он должен был или присоединиться к оппозиционному движению масс, или стать безразличным. И экономически у богемы была вырвана почва из-под ног. Кутежи стали дорогим удовольствием, и кабачки переполнились спекулянтами, разжившимися на войне. Оберкельнеры больше не могли себе позволить роскоши предоставлять кредит голым и жаждущим представителям богемы. Студенты, писатели, художники больше не наполняли ночных кабачков; эти люди были рады, когда им удавалось днем поесть, а ночью найти приют для сна. Мещанин был вытеснен шибером и нуворишем.

Правда, Гашек имел возможность продолжать свою богемную жизнь, несмотря на эти затруднения. Он и раньше лучше всего чувствовал себя в самых захудалых кабачках, но он был надломлен и физически и морально. Он больше не был тем веселым сорванцом, кото-

рый находил выход своему темпераменту в пьянстве и шатании по кабакам, — теперь его времяпрепровождение было бегством от душевного похмелья и физических страданий. Друзья его все это понимали. Художник Панушка устроил Гашека в деревне Липнице при Светле, на реке Сазаве, в области Дейчброда, у хозяина гостиницы Инвальда. Гашек устал от пражской жизни и чувствовал свой физический уладок. Он понимал, что при той системе работы и том образе жизни, который у него был в Праге, он никогда не кончит «Швейка».

Гашек жил по-своему и в своем «затишье» — в лесах Средней Богемии. Вернее сказать: он умел приспособить свою беспорядочную жизнь к сельским условиям. Он переходил из одного деревенского кабака в другой. В Липнице он нашел собутельников, которые всегда составляли ему компанию. Скоро он стал известен и любим во всей округе.

Последние кутежи — последнее произведение

Но физический недуг Гашека уже нельзя было остановить. Гашек стал невероятно толст, его тело отекло, в особенности щеки, кирпично-красные, блестящие от жира. Он двигался медленно и с трудом. В первую зиму пребывания Гашека в Липнице, в одной гостинице с ним несколько недель прожил Лонген, приехавший, чтобы работать с Гашеком. Он рассказывает, что Гашек от боли громко стонал и ругался: «Проклятая жизнь — что мне приходится выносить!.. Проклятая жизнь!» Его рука часто дрожала, когда он брался за стакан. Вскоре он не мог больше писать из-за дрожания руки и должен был диктовать. Хозяин гостиницы Инвальд рассказывал Лонгену:

«Гашек врывался рано утром. Я сразу догадывался, что он уже с раннего утра хочет выпить, и решил не поддаваться. Я говорю ему: «Нет, Гашек, не получишь ни капли. Подумай о том, что было вчера, и о том, что тебе надо кончить пьесу». — Гашек на это рявкал: «Не болтай вздора. Мне бы только стаканчик сливянки». — «Днем, Гашек, я тебе дам, и не один». — Гашек сердился некоторое время, потом садился читать. Мне надо пойти в кухню поговорить с мясником. Вдруг в кухонную дверь просовывается голова Гашека, и он кричит: «Я у стойки угостил тебя тремя стаканами сливянки. Запиши-ка!» — Затем дверь захлопывается, и он уходит. Он часто со мною такое проделывает, когда я ему не даю пить. Сейчас вы его найдете в каком-нибудь шинке».

Удивительно, что при такой жизни в Праге и в Липнице Гашек еще мог работать над «Швейком». Во время пребывания Лонгена в Липнице они вместе написали политическо-сатирическую комедию «Министр и его дитя». Сюжетом комедии был спор между чехо-словацким министром иностранных дел Бенешом и чешским путешественником Фричем; министерство иностранных дел очень плохо обошлось с Фричем, потому что он не принадлежал к правительственной клике. Гашек с восторгом принял идею Лонгена написать эту вещь и немедленно засел за работу.

Он точно ожил. Его темперамент, его остроумие засверкали снова. Он не просто диктовал каждую сцену, он декламировал ее, играл ее. Это была последняя радостная вспышка творчества. Он был полон дальнейших идей и планов. Он хотел написать несколько таких комедий, кроме того — большой роман из сибирской жизни. Сибирью он восхищался, как своеобразной страной — с людьми полнокровными, страстными и дикими.

Из этих планов ничего не осуществилось, а «Швейк» не был закончен. Комедия «Министр и его дитя» была запрещена республиканско-демократической цензурой. Гашек был очень удручен выходкой цензуры. Он хотел немедленно написать новую пьесу, которая под видом испанской инквизиции должна была осмеивать «демократию». Но он ничего больше не написал.

Только «От Праги до Прессбурга в 365 дней» он написал совместно с Эгоном Эрвином Кишем. Это была инсценировка описания путешествия Киша. Пьеса — шедевр юмора, безумного веселья и грубоватой откровенности. Львиную часть ее Киш приписывает Гашеку.

Медленное угасание — одинокая смерть

Летом 1922 года Гашек купил в Липнице маленький старый домик. Первым делом новый домовладелец сообщил трем жильцам (бедным людям), что им, к их великой радости, больше не надо платить за квартиру. Затем он заново отделал не только свое скромное помещение, но и помещение жильцов. Для каменщиков и других ремесленников это была веселая стройка, так как Гашек часто угощал их и при этом составлял им компанию. Осенью Гашек переехал в свой домик. После переезда он всего несколько раз выходил из дому.

Но это не значит, что он перестал пить и растерял своих собутельников. В его доме всегда было много угощения, он постоянно зазывал гостей, которые должны были пить с ним. Он с трудом переносил одиночество, ему нужно было иметь около себя людей. Таким образом и последнее обиталище Гашека было местом веселых и сильных попок.

«Сидя там, он хохотал, как чешский Гаргантюа, окруженный приятелями и «слугами», — пишет Франта Зауер. Секретарь Гашека — Климент Степанек, которому он диктовал свои последние произведения, рассказывает, что Гашек приглашал на свои попойки людей всех классов, профессий и политических направлений — кроме духовенства. Но эти попойки длились недолго. Хозяин предъявлял слишком высокие требования к гостям, заставляя их столько пить, что все уходило от него мертвецки пьяными. С револьвером в руке Гашек заставлял деревенского портного столько выпить, что того в конце концов унесли домой в бессознательном состоянии.

За несколько недель до рождества Гашеку стало плохо. Он должен был лечь в постель. Самое ужасное для него было пить молоко и воду вместо спирта. «Разрази гром ту корову, которая первая позволила себя доить», — ругался он. В сочельник он готовился к ужину с гостями, но ни один из приглашенных не пришел. Тогда он послал свою Шуру: «Приведи мне первого попавшегося, кого встретишь

на улице». Таким образом безработный каменщик оказался последним гостем Гашека.

В новый год приближался кризис. Только за несколько дней до того Гашека удалось подвергнуть врачебному осмотру, так как раньше в его присутствии нельзя было даже упоминать о враче. Врач хотел смягчить кризис лекарствами и подкожными впрыскиваниями. Гашек все еще не терял юмора. «Не жалею меня, — говорил он врачу, — я так же заставляю мучить Швейка. Так, правильно... Знаешь, человек, смерть необычайно приятна. Если бы я знал, что меня будут так усердно колоть и столько дряни вливать мне в глотку, — я бы уж давно умер».

Так рассказывает Франта Зауер. Лонген же утверждает, что Гашек накануне смерти сказал: «Никогда бы не поверил, что умирать так тяжело...» И, пожалуй, оба правы.

3 января 1923 года Гашек умер, не достигнув даже сорока лет. Его гроб провожала почти вся деревня.

Эти похороны были достойны величайшего юмориста и популярнейшего писателя чешского народа, именно благодаря отсутствию «представителей нации».

Эпилог

В предисловии к «Собранию сочинений» Г. Р. Опоченский, близкий друг Гашека, пишет:

«Разумеется, воинственный дух Гашека не чуждался и политической сатиры. К сожалению

в «Собрании сочинений» может быть помещена только незначительная часть этих произведений, потому что большинство их высмеивает политические события, которые давно потеряли значение и о которых большинство читателей больше не вспоминает».

Опубликование второй части политических сатир «должно быть отложено из уважения к живым лицам».

Ссылка на устаревшие политические события и на плохую политическую память читателей — только отговорка. «Личные причины» относятся к патриотическим фигурам, которым неприятно напоминание об их верноподданническом, черно-желтом или ином бесславном политическом прошлом, в особенности, когда об этом напоминает едкая сатира Гашека.

Ведь в чешской говорящей фильме «Швейк» полкового священника Каца, по распоряжению цензуры, превратили в безобидного полкового врача, чтобы не задеть попов. Только как «безвредный субъект» Гашек может продолжать жить.

Произведение Гашека не только переживет чешскую буржуазную республику; лишь после ее падения оно станет доступным народу во всем объеме и во всем своем политическом значении. И оно даст ценный материал для истории этой страны.

Перевод с немецкой рукописи
Н. Игнатовой